
МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.Ф. Девятко
(Москва)

ПРИЧИННОСТЬ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ И В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБЪЯСНЕНИИ: КОНТУРЫ НОВОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОДХОДА

В статье рассматриваются перспективы социологического анализа объяснительного – преимущественно причинного – обыденного знания о социальном мире. Прослежены истоки существующих теоретических предубеждений и методических сложностей, мешающих систематическим исследованиям «имплицитных социологических теорий» и «наивных» причинных моделей. Описаны ключевые теоретические результаты и методические инновации, способствующие пониманию природы и роли причинности в обыденном знании. Проиллюстрированы возможности использования в этих целях факторных экспериментальных планов и техники виньеток.

Ключевые слова: восприятие причинных отношений, повседневное знание, «теория причинной модели», факторный эксперимент, метод виньеток в исследовании социального восприятия и установок.

Исследования обыденного сознания и основанного на здравом смысле повседневного восприятия в социологии имеют достаточно давнюю традицию. У ее истоков стоят, в частности, марксистская теория идеологии, исследования примитивных классификаций Э. Дюркгейма и М. Мосса, феноменологическая социология и, конечно, обширная традиция эмпирического анализа социальных

Инна Феликсовна Девятко – доктор социологических наук, проф., зав. кафедрой анализа социальных институтов ГУ–ВШЭ, зав. отделом теории и истории социологии Института социологии РАН.

установок, социальных представлений и мнений. Парадоксальным образом, однако, эти ранние идеи и исследовательские подходы хотя и привлекли внимание к *роли*, которую играет «наивное», т.е. неспециализированное знание в устройстве социального мира, не привели к возникновению среди социологов устойчивого интереса к исследованию собственных источников и познавательного содержания такого знания. В частности, в социологии не сформировалась общепризнанная методология исследования социального знания как совокупности взаимосвязанных эмпирически обоснованных убеждений, а также имплицитных, или «народных», социологических и психологических теорий, объясняющих наблюдаемые обычными людьми социальные взаимосвязи и закономерности в терминах воспринимаемых причин и следствий.

Наивное знание и имплицитные теории нередко фигурировали в качестве конечных объяснительных принципов в различных социологических концепциях (как, например, коллективные представления или стереотипы, изучавшиеся преимущественно с точки зрения их эффектов и влияния на специфические установки и поведение), не становясь, однако, предметом автономного исследовательского интереса методологов. (В качестве исключения можно было бы рассматривать исследовательскую программу этнометодологии, однако радикализм ее основных положений превращал разрабатываемые этнометодологами экспериментальные приемы выявления имплицитных предположений о социальном порядке, на которые опираются участники социального взаимодействия, преимущественно в средства подрыва теоретического «мейнстрима» и эффектные демонстрации, тем самым отказывая этим приемам и получаемым с их помощью результатам в самостоятельной ценности.)

Исследования установок в социологии – это, прежде всего, исследования обобщенного эмоционального отношения или поведенческой готовности, направленные на индивидов, группы или ситуации. В этих исследованиях мало внимания уделяется тем

верованиям и убеждениям, которые детерминируют и, по крайней мере, в глазах своих носителей рационализируют их оценки и поступки. Исследовательский интерес к эмоциональным и поведенческим аспектам установок как к предполагаемым «конечным предикторам» социального взаимодействия, политического выбора или покупательского поведения нередко вытесняет из поля нашего внимания более фундаментальные когнитивные аспекты установок. Мы чаще спрашиваем респондентов, как они относятся к буддизму, правым политикам или телевизионным сериалам (либо как они действуют по отношению к ним в соответствующих контекстах), нежели о том, какие черты этих объектов установки имеют, с точки зрения респондентов, причины и следствия, объясняющие декларируемое отношение или поведение.

Обыденное, неспециализированное знание о мире как дескриптивное, так и объяснительное, редко становится предметом самостоятельного интереса социологов. Чаще всего интерес к нему сводится к реконструированным исследователями упрощенным объяснительным моделям. Например, гипотетический, но вполне узнаваемый вывод о том, что «респонденты негативно относятся к экономической программе правых партий, поскольку большинство из них согласны с тем, что государство должно играть ведущую роль в экономике», отражает скорее постулированную исследователями причинную взаимосвязь между осведомленностью респондентов о научной концепции экономического либерализма и их политическими предпочтениями, нежели собственные «народные» теории респондентов относительно роли современных государств в хозяйственной жизни и импликации этих теорий для их политических установок.

Сходным образом исследования семантических пространств, пространств восприятия и индивидуальных систем значений, уже несколько десятилетий используемые для выявления глубинных оснований категоризации социальных объектов и символов, позволяют обнаружить латентные переменные, определяющие вос-

принимаемую близость или сходство этих объектов или символов, но не дают оснований для выводов о существующих причинно-следственных взаимосвязях между явными и латентными переменными-признаками.

Вместе с тем развитие когнитивной науки в последние несколько десятилетий привело к пониманию фундаментальной роли «наивного» знания о мире не только в генезисе сложных структур убеждений и высших уровней семантической обработки. В исследованиях памяти, обучения, когнитивного развития, понимания языка все более широкое признание получает «основанный на теории» (theory-based) взгляд на концептуальные репрезентации, т.е. представление о том, что решение людьми задач на классификацию, образование понятий или понимание языка основано на их имплицитном знании о мире, на интуитивных теориях, состоящих из взаимосвязанных убеждений о природе разного рода явлений и процессов. Особое место среди такого рода имплицитных знаний занимает знание причинных закономерностей [1; 2].

Особый статус неявных «причинных теорий», отражающих существенные, с точки зрения обычного человека, взаимосвязи между событиями и процессами в реальном мире, связан с их очевидной незаменимостью не только для описания и объяснения того, как устроен физический или, скажем, социальный мир, но и для способности человека предсказывать внешние события и влиять на них. В частности, исследования таких простейших форм концептуальной репрезентации, как категоризация повседневных объектов, позволили продемонстрировать важность причинно-следственных связей между признаками, входящими в одну категорию. В частности, было показано, что при категоризации так называемых «естественных видов» (биологических видов, химических соединений и т.п.), определяя членство очередного объекта-примера в категории, люди руководствуются не простым «списком признаков», а некоторой их иерархией, учитывающей с бóльшим весом причинно-связанные признаки [3].

В самое последнее время были получены серьезные свидетельства в пользу так называемой «теории причинной модели», описывающей интуитивное знание людей о категориальной принадлежности объектов как *причинную модель, в которой признаки (свойства) каждой категории объектов связаны с помощью некоторого причинного механизма* [1; 4]. Так, если воспользоваться упрощенным примером, знание свойств категории птицы в первую очередь включает свойства, связанные причинными механизмами: «имеют крылья, имеют небольшие размеры, летают, гнездятся на деревьях», т.е. структура ключевых признаков данной категории подразумевает наличие причинных связей между свойствами иметь крылья, летать, строить гнезда на деревьях и т.д. (естественно, маргинальные примеры категории, скажем, пингвины в нашем случае, будут не столь однозначно оцениваться в качестве типичных птиц в силу отсутствия некоторых причинно-связанных свойств). Эта же модель может быть распространена на артефакты, подобные товарам, социальным идентичностям или политическим репутациям: и в этих случаях существенными условиями уверенного отнесения к категории будет наличие набора свойств, связанных некоторым причинным механизмом¹. В более сложных экспериментах были показаны преимущества «теории причинной модели» (в сравнении с более ранними теориями концептуальной репрезентации) для объяснения процессов обучения понятиям, приобретения неспециализированных знаний в разных предметных областях.

Причинные отношения между входящими в категорию признаками, согласно «теории причинной модели», отвечают обыч-

¹ Если привести более «социологический» пример, можно предположить, что для принадлежности объекта к категории публичных политиков гипотетически значимы такие причинно-связанные свойства, как «стремление завоевать популярность, частое появление на телевизионных экранах, склонность к публичной демонстрации социально одобряемых чувств и т.д.».

ным условиям каузальной асимметрии, причинной достаточности и т.п., используемым в научных (нормативных) причинных моделях, которые широко применяются при моделировании причинного вывода в системах искусственного интеллекта и в прикладной статистике. Построение направленных графов, отражающих прямые и косвенные причинные влияния, и проверка причинных моделей на статистических данных – активно развивающаяся в последние два десятилетия область методологии социальных наук [5; 6; 7]. Аппарат разработанных в этой области нормативных моделей причинного вывода уже доказал свою пригодность для репрезентации причинных моделей, используемых обычными людьми в их повседневных, основанных на здравом смысле суждениях, и для спецификации причинных моделей, включенных в «наивное» знание [1; 8].

Быстрый прогресс в понимании роли обыденного причинного знания о мире в когнитивной науке и развитие методов его изучения пока не привели к сопоставимым изменениям в социологическом подходе к исследованию обыденного сознания и «здравого смысла» социальных акторов. Что же препятствует более широкому применению идей причинного моделирования и анализа структур неявного социального знания в социологии? Не претендуя на исчерпывающий ответ, можно указать по крайней мере на два препятствия на пути более широкого социологического изучения роли «народной социологии» и интуитивных причинных объяснений в социальной перцепции, в динамике установок и т.д. Одно из этих препятствий носит характер «эндемичного» для социологии фундаментального теоретического предположения, истоки которого лежат в классической социологической традиции. Далее в этой статье мы постараемся показать, что это предположение в свете современного научного знания может считаться ошибочным. Второе препятствие носит методический характер и связано с техническими трудностями экспериментирования в социологии, которые традиционно рассматриваются в качестве неизбежных. Эти трудности, как мы постараемся крат-

це показать далее, во многом устраняются новыми подходами к реализации факторных экспериментальных планов, применимыми в массовых исследованиях установок и обыденного сознания в более широком понимании.

Под фундаментальным теоретическим предположением или в свете того, что будет сказано ниже, теоретическим предвзвешиванием мы подразумеваем восходящее к Дюркгейму убеждение социологов в том, что абстрактные категории причинности, подобно категориям пространства и времени, находятся «в тесной связи с социальной организацией» и являются не столько фундаментальными понятиями разума или элементами логических операций, сколько коллективными представлениями, генезис которых может быть объяснен только социологически [9]. Иными словами, социологи склонны вслед за Дюркгеймом считать, что ментальные категории причинности, а также числа, пространства, времени и некоторые другие имеют социальное происхождение, т.е. являются социально детерминированными и надиндивидуальными коллективными представлениями, которые не столько определяют фундаментальные категории познания, в том числе, социального познания, сколько сами требуют объяснения посредством социологических категорий и социальных классификаций (отсюда частный тезис о том, что «классификация вещей воспроизводит классификацию людей»). Однако исследования познавательного развития детей и младенцев, особенно интенсивно развивавшиеся в последние десятилетия, позволяют уверенно утверждать, что в своей общей форме это теоретическое предположение неверно (обзор работ, имеющих отношение к дюркгеймовской теории социального происхождения ментальных категорий можно найти, в частности, в работе [10]). Способности несоциализированных младенцев воспринимать пространственную удаленность и глубину были продемонстрированы еще экспериментальными исследованиями 60-х гг. прошлого столетия. Позднее с помощью остроумных методических приемов были получены подтвержде-

ния того, что даже новорожденные способны ориентироваться в пространстве и координировать свои ощущения и двигательную активность по направлению к человеческому голосу. Не менее интересны результаты, связанные со способностью не знакомых ни с какими социальными классификациями младенцев различать лица и ориентироваться на количество предъявляемых предметов, однако особенно важны в контексте интересующей нас темы полученные в этих исследованиях эмпирические подтверждения способности полугодовалых младенцев выделять наблюдаемые причинно-следственные отношения и оценивать степень соизмеримости причинного воздействия и производимого им эффекта [11]. Эти результаты доказывают, что до любой социализации очень маленькие дети и младенцы обладают элементарными категориями для восприятия причинности и простых количественных соотношений. Наша врожденная (хотя и поддающаяся развитию) способность выделять причинно-следственные связи на основе наблюдаемых статистических ассоциаций, строить непрофессиональные и не всегда осознаваемые причинные модели, учитывающие возможности множественности эффектов и ложной корреляции, представляет собою существенную объяснительную рамку, которую мы должны использовать в исследованиях социального восприятия, установок и общественного мнения, поскольку значительная часть нашего отношения к социальному миру выводима из нашего повседневного знания о нем. Это подтверждает точность давно предложенной Дж. Келли метафоры «человека-с-улицы как ученого», основывающего свои оценки, установки и ожидания на своих хорошо структурированных, эмпирически проверяемых и специфицирующих причинные связи имплицитных теориях [12]. *Социальные сравнения, оценки и установки, социетальная реакция обычных людей на разного рода социальные проблемы – от душевных болезней до религиозного экстремизма – в значительной мере определяется таким неявным каузальным знанием. Следовательно, нам нуж-*

но включить переменные, описывающие это знание, в наши объяснительные модели.

В качестве второго источника трудностей для социологических исследований обыденного знания о социальном мире выше упоминались также технические, сугубо методические трудности, с которыми сталкиваются попытки исследования причинных связей, включенных в «народную психологию», «народную социологию» и прочие имплицитные теории. В поисках легких путей для изучения трудных проблем социологи все чаще поддаются соблазну сверхэксплуатации респондента. Конечно, мы можем навязать респонденту экспертную, по сути, роль информанта и прямо задать ему интересующие нас вопросы о том, каковы, например, его взгляды на причинную связь между образованием и статусом. Однако этот путь не более продуктивен, чем попытка исследовать законы стихосложения путем непосредственного опроса поэтов и их почитателей. Неформализованные данные, которые мы можем получить в такого рода интервью, будут не только подвержены всякого рода систематическим смещениям, но и не приспособлены к сопоставлению в компактной форме. Они станут результатом неоправданного увеличения когнитивной нагрузки на респондента и злоупотребления его мотивацией к сотрудничеству, поскольку фактически он будет выполнять нашу работу.

Для интересующих нас целей идеальным исследовательским планом мог бы стать лабораторный или тестовый эксперимент, широко используемый, в частности, для исследований процессов семантической категоризации, формирования понятий, «наивного» приписывания причинности и т.п. в психологии. Однако в социологии существуют хорошо известные ограничения на использование «чистых» экспериментальных планов как по соображениям технической сложности обеспечения внешней и внутренней валидности результатов для социологических экспериментов, включающих в свои схемы множество независимых многоуровневых переменных, так и по причинам этических и методических про-

блем, которые возникают при манипулировании рядом значимых социально-демографических переменных (например, доход, этничность). Конечно, многие из этих трудностей преодолимы, но до недавнего времени социологам не удавалось совместить *внешнюю* валидность репрезентативных выборочных опросов с несомненной *внутренней* валидностью рандомизированного, многомерного (несколько независимых переменных), многоуровневого эксперимента. Однако ряд методических и технических инноваций последних двух-трех десятилетий сделал возможной интеграцию эксперимента и масштабного (во многих случаях общенационального) социологического обследования. Данные инновации привели к тому, что некоторые авторы называют это даже «новым экспериментальным стилем в исследованиях установок и социального восприятия» [13; 14] (неважно, идет ли речь о прикладных исследованиях потребительских предпочтений или о политических ориентациях). Коротко охарактеризуем эти инновации.

Первой новацией, позволившей преодолеть ограничения на экспериментирование в массовых опросах, была «технологическая»: разработка и достаточно широкое внедрение компьютеризованного телефонного интервьюирования. Интерактивное компьютеризованное интервьюирование превратило тиражируемые бумажные вопросники с прилагаемыми для каждого варианта вопросника инструкциями для интервьюеров в компьютерную программу, в которой каждому варьируемому фактору соответствует отдельный оператор. В момент опроса («применения») оператор случайным образом выбирает уровень каждого фактора (конкретное значение независимой переменной), воплощая практически любой по уровню сложности многофакторный эксперимент. План может быть сколь угодно сложным, но его реализация не потребует *никаких усилий* со стороны интервьюера и *пройдет незамеченной* со стороны респондента. В ходе одного интервью фактически может быть проведено более одного эксперимента, а поскольку рандомизация используется не только при приписыва-

вании разных факторов, но и «внутри» переменных – для приписывания уровней, то относительно уровней независимых переменных все условия эксперимента – «обработки» – будут ортогональны. Это во много раз увеличивает число степеней свободы при оценке статистической значимости результатов. Уже в 1990-е гг. таким образом были получены значимые результаты в исследованиях расовых установок, отношения к безработным и т.п.

Второе ключевое событие в развитии экспериментального подхода к исследованиям установок, повседневного восприятия и имплицитных «причинных моделей» связано с разработкой и распространением в социальных науках метода «виньеток». В социологии развитие этого метода связывают, прежде всего, с именами П. Росси, К. Термана, Дж. Миллера, А. Андерсона и др. «Виньетки» – специально созданные, часто вымышленные, описания социальных объектов, индивидов и ситуаций, составленные из отдельных, систематически варьируемых переменных-признаков. Эти варьируемые переменные и выступают в качестве экспериментальных факторов. Систематически варьируя факторы – потенциальные причины и следствия различных социальных установок и обыденных категоризаций (например, от категоризации «душевная болезнь – норма» до субъективных детерминант риска в разного типа житейских ситуациях), мы можем выявлять субъективные модели причинно-следственных связей методом, который может быть легко реализован и в полевых квазиэкспериментах, и в массовых опросах.

Использование виньеток в социальной психологии и социологии, вероятно, восходит к применяемым в психодиагностике с 1940-х гг. так называемым рефрактерным методикам (термин Дж. Линдсея) косвенного измерения самоотношения, управляемой проекции и т.п. Общей идеей этих методик является предъявление испытуемым текстов, описывающих комбинации их черт (либо противоположных черт), выявленных при помощи личностных опросников (см. [15]). В текстах-виньетках названные комбинации черт

приписываются фиктивным личностям в форме их краткого «психологического портрета». Этот прием позволяет устранить влияние таких угрожающих валидности факторов, как социальная желательность, мотив экспертизы и др.

В социологии техника словесных описаний-виньеток, систематически варьирующих факторы, предположительно влияющие на восприятие, установки и мнения, применялась, по меньшей мере, со второй половины 1950-х. Так, ранняя работа Ш. Стар [16] была посвящена исследованию факторов, определяющих общественное восприятие психических болезней. Однако подлинный рывок в развитии техники виньеток посредством ее внедрения в факторный экспериментальный подход к опросам общественного мнения был осуществлен в ряде работ П. Росси и его сотрудников (см. [17] и др.). В частности, в конце 1980-х К. Терман, Дж. Лэм и П. Росси осуществили еще одно исследование «народных» представлений о психических болезнях, где использовался факторный план со случайным отбором виньеток (140 опрошенных, по 50 случайно отобранных виньеток из 7000 для каждого опрошенного, зависимая переменная – субъективная оценка описанного в виньетке персонажа по шкале воспринимаемой степени душевного расстройства, независимые переменные – наблюдаемые психологические и поведенческие характеристики «героя» винюетки, его социально-демографические характеристики, наличие или отсутствие проблем с душевным здоровьем в прошлом) [13]. Анализ полученных в данном исследовании результатов позволил сделать ряд важных выводов, например, о большей значимости легко наблюдаемых «продуктивных» психотических симптомов в «народной» диагностике, т.е. в социетальной реакции на болезнь, в сравнении, например, с признаками депрессии, эмоциональной отстраненности и т.п.¹ Следу-

¹ Интересно заметить, что в описываемой работе незначимыми оказались практически все социально-демографические характеристики объекта оценки. В проведенном под нашим руководством по сходной методике дипломном исследовании О.Е. Зайцевой (2004 г., ГУ–ВШЭ) опрашивались наши соотечественники (вы-

ет заметить, что техника виньеток может применяться и в не предполагающих сложной модели статистического анализа разведочных исследованиях, и для проведения систематического интервьюирования отдельных целевых групп. Например, в исследовании Дж. Ричмана и Д. Мерсера для этнографического изучения представлений медперсонала специализированных психиатрических клиник о границе между аморальным поведением, «злом как таковым» и психической болезнью, использовались профессиональные виньетки-«анамнезы» вымышленных больных, якобы проходивших психиатрическое лечение [18].

Некоторое количество экспериментальных и квазиэкспериментальных исследований обыденного восприятия и «народных» социологических теорий было проведено и под нашим руководством или при нашем участии в последние пять лет. Отдельные примеры виньеток для разного типа экспериментальных планов отражены в иллюстрациях к данной статье (см. Приложение 1). Более подробное обсуждение подходов к анализу данных и полученных в этих и других исследованиях результатов, надеемся, будет представлено в дальнейших публикациях.

борка респондентов, как и у Термана и соавторов, была целевой). В последнем случае на выставляемые респондентами оценки влияли и пол, и возраст объекта оценивания. Одно и то же поведение (например, склонность к конфликтам, странному поступкам) воспринималось как менее «нездоровое», если объектами оценивания (персонажем виньетки) были женщины или люди среднего возраста.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Примеры экспериментальных планов и образцы виньеток

Исследование С. Добрыниной. Тема: «Обыденное восприятие религиозности». План: 4 конфессии X 7 факторов религиозного поведения и убеждений X 3 фактора социально-демографических характеристик.

Пример инструкции респонденту:

Мы просим заполнить предлагаемую Вашему вниманию анкету. Цель опроса – выяснить восприятие религии в обществе.

Анкета представляет собою несколько описаний людей, однако нельзя с уверенностью утверждать, являются ли они религиозными или же не являются таковыми.

Каждое описание имеет одинаковую структуру, но детали варьируются. Вы будете встречать похожие описания, что-то может показаться Вам смешным. **Постарайтесь оценивать человека по описанию в целом!**

Пожалуйста, внимательно прочитайте каждое описание и поставьте Вашу отметку на шкале от 1 до 15, которая наиболее соответствует Вашему мнению о представленном человеке.

♦ 1 – если вам кажется, что описанный выше человек совсем нерелигиозен. Далее, чем выше балл, тем более религиозным является человек.

♦ 7 (8) – означает, что человек религиозен, но степень его религиозности не очень высокая.

♦ 15 – Вам кажется, что индивид очень (крайне) религиозен.

Нам, прежде всего, важно знать Ваше мнение по каждому человеку. Ваши ответы будут представлены только в обобщенном виде.

Заранее благодарим за помощь!

Образцы виньеток:

Светлане Николаевне 55 лет. Она замужем. У нее высшее образование и в настоящее время она работает. О ней можно сказать следующее: она скромно одевается, носит длинную юбку и блузу с закрытыми рукавами, а голову всегда покрывает платком. Она не ограничивает себя в выборе блюд, однако обязательно постится один месяц в году.

Светлана Николаевна считает, что истинная религия должна восторжествовать, даже если для этого придется прибегнуть к насилию.

Совсем не религиозный 1_2_3_4_5_6_7_8_9_10_11_12_13_14_15 Очень религиозный

Юлии 37 лет. Она не замужем. У нее среднее образование и она не работает. Про нее Вам известно, что: у нее короткая модная стрижка и обычно она пользуется косметикой. Она посещает религиозные собрания и богослужения каждый день. При этом она празднует все праздники, как религиозные, так и государственные.

Если же она знакомится с людьми, настроенными против религии, которой она придерживается, то может вступить с ними в противоборство.

Совсем не религиозный 1_2_3_4_5_6_7_8_9_10_11_12_13_14_15 Очень религиозный

Исследование С. Судбина. Тема: «Установки по отношению к поведенческим проявлениям психических расстройств». План: 7 факторов наблюдаемых проявлений психических расстройств X 3 уровня частоты проявления X 3 социально-демографических фактора.

Образцы виньеток:

Ангелина, возраст 68 лет, образование неполное высшее, была в браке, разведена. Постоянно испытывает чувство неутолимого голода, может есть весь день. Часто в случайных встречах видит своих знакомых. Постоянно сомневается в правильности совершенных действий. Иногда оглядывается, если кто-то идет сзади. Часто не интересуется собственной внешностью, не моется.

Легкое расстройство 1_2_3_4_5_6_7_8_9_10_11_12_13_14_15 Психическая болезнь

Антонина, 53 года, образование неполное высшее, состоит в браке. Иногда говорит о своей никчемности. Постоянно считает, что соседи сверху воздействуют на нее каким-то прибором, от чего у нее изменилась форма носа и губ. Часто ходит по лестницам через ступеньку, не

наступающая на соединительные швы. Постоянно оглядывается, если кто-то идет сзади.

Легкое Психическая
расстройство 1_2_3_4_5_6_7_8_9_10_11_12_13_14_15 болезнь

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rehder B.* Categorization as Causal Reasoning // *Cognitive Science*. 2003. Vol. 27. P. 709–748.
2. *Causal Cognition: a Multidisciplinary Approach* / Ed. by D. Sperber, D. Premack, A.J. Premack. Oxford: Clarendon Press, 1995.
3. *Ahn W.* Why Are Different Features Central for Natural Kinds and Artifacts? The Role of Causal Status in Determining Feature Centrality // *Cognition*. 1998. Vol. 69. P. 135–178.
4. *Walldman M.R., Holyoak K.J., Fratianne A.* Causal Models and the Acquisition of Category Structure // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1995. Vol. 12. P. 181–206.
5. *Glymour C., Scheines R., Spirtes P., Kelly K.* Discovering Causal Structure: Artificial Intelligence, Philosophy of Science, and Statistical Modeling. San Diego, CA: Academic Press, 1987.
6. *Glymour C., Cooper G.* Causation, Computation and Discovery. Cambridge, Ma: MIT/AAAI Press, 1999.
7. *Pearl J.* Causality: Models, Reasoning, and Inference. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000.
8. *Glymour C.* The Mind's Arrows: Bayes Nets and Graphical Causal Models in Psychology. Cambridge, Ma: MIT Press, 2001.
9. *Дюркгейм Э., Мосс М.* О некоторых первобытных формах классификации: К исследованию коллективных представлений / Пер. с фр. А.Б. Гофмана // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1996. С. 6–73.
10. *Bergesen A.J.* Durkheim's Theory of Mental Categories: A Review of the Evidence // *Annual Review of Sociology*. Vol. 30. P. 395–408.
11. *Gopnik A., Meltzoff A.N., Kuhl P.K.* The Scientist in the Crib: Minds, Brains and How Children Learn. N.Y.: Morrow, 1999.
12. *Келли Дж.* Теория личности: Психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.
13. *Thurman Q.S., Lam J., Rossi P.* Sorting out the Cockoo's Nest: a Factorial Survey Approach to the Study of Popular Conceptions of Mental Illness // *The Sociological Quarterly*. 1988. Vol. 29. No. 4. P. 565–588.

Причинность в обыденном сознании и в социологическом объяснении...

14. *Sniderman P.M., Grob D.B.* Innovations in Experimental Design in Attitude Surveys: Annual Review of Sociology. 1996. Vol. 22. P. 377–399.

15. Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 267–278.

16. *Star S.* The Public's Ideas About Mental Illness. Chicago: National Opinion Research Center, 1955 (Mimeo).

17. Measuring Social Judgments: The Factorial Survey Approach / Ed. by P.H. Rossi, S.L. Nock. Beverley Hills: Sage, 1982.

18. *Richman J., Mercer D.* The Vignette Revisited: Evil and the Forensic Nurse // Nurse Researcher. 2002. Vol. 9. No. 4. P. 70–82.